УДК 327

Джоди ЙЕНСЕН

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ: ПЕРЕЗАГРУЗКА

*Сложность задачи, стоящей перед нами, сродни
трансформации Трабанта в Мерседес
во время движения по магистрали.
Элемер Ханкиши*

Аннотация. В статье автор исследует весьма актуальный для современной регионалистики вопрос: почему, несмотря на существование *общей* истории, европейцы вряд ли могут говорить о *совместной* истории? Многие исследования сложных социальных, политических и экономических изменений, то есть всего комплекса общественной трансформации в регионе, упускают из виду важные критерии. Они упрощенно объясняют этот процесс, например, как смену экономических моделей, и совершенно игнорируют факт существования значительных различий между способами функционирования рыночных экономик, которые возникли в результате длительных процессов развития. Открывшаяся для этих стран в 1989 г. возможность заключалась не только в создании «рабочей» рыночной экономики, но и в осуществлении отложенного процесса экономической модернизации. Автор приходит к выводу, что переход от плановой к рыночной экономике следует рассматривать не как цель, а как инструмент успешной модернизации. По мере осуществления экономических преобразований, как следует из проведенного анализа, стало очевидным, что модель преобразований должна содержать три элемента: 1) институты рыночной экономики; 2) стратегию модернизации инфраструктуры; 3) элементы социалистического наследия, главным образом социальное обеспечение и образование.

Ключевые слова: миграционный кризис, модели социального обеспечения, трансформация, институционализация.

Схожая, но не общая история

Текстура и характер трансформации в посткоммунистических странах никогда не позволяли оценить в полной мере величину их усилий по восстановлению суверенных государств (в отличие от Западной Европы после Второй мировой войны,

© *Джоди Йенсен* – старший научный сотрудник Института политических наук Венгерской академии наук, доцент Паннонского университета, директор по международным отношениям в Институте перспективных исследований, профессор Жана Моне. **Адрес:** Н-9730, Кёсег, ул. Чернел, 14. **E-mail:** info@iask.hu

Современная Европа, 2018, № 7

защищенной экономической и военной мощью США), перестройке общества, политики, психологии после 1989 г. Хотя у европейцев общие исторические корни, мы вряд ли можем говорить о том, что у них есть и общая история. Их исторический опыт, социальное развитие, наследие существенно различаются. Очень часто память о «двойной диктатуре» в Восточно-Центральной Европе, а именно о нацизме и о коммунизме, в лучшем случае приуменьшается, а в худшем – игнорируется. Наследие «двойной диктатуры», которое, по словам моего близкого коллеги, не могло возникнуть на пустом месте, имеет сегодня серьезные и долгосрочные последствия для демократии и социальной политики. Например, существуют глубокие различия в понимании слова «социальный» в Западной и Восточной Европе. С одной стороны, люди в посткоммунистических странах не хотели отказываться от достаточно высокого уровня социальной защиты и «безопасности» с точки зрения занятости и образования, которые обеспечивались предыдущим режимом. С другой стороны, как отмечал другой мой венгерский коллега, который часто работает в Брюсселе, «в Брюсселе нельзя упоминать социализм в негативном контексте».

События в регионе Центральной Европы после 1989 г. исторически беспрецедентны – «не существует целостной модели или шаблона, которые соответствовали бы задачам той трансформации, которая должна была быть реализована» [Offe, 2010]. Целый ряд хаотичных изменений в регионе постоянно требовал разнообразных мероприятий и гибкого реагирования, которые варьировались день ото дня. Например, был создан потенциал для креативных инноваций в сфере социального предпринимательства. Тем не менее принятые меры привели в ряде случаев к фатальным результатам, таким, как, например, недостаток государственного регулирования в сфере здравоохранения.

Это произошло в основном из-за международного политического давления, которым обернулось для региона принятие западной модели. Элементы «третьего пути», который, возможно, лучше подошел бы для достижения целей долгосрочного развития в регионе в целом, с привязкой к особым национальным контекстам, были очень поверхностны и не учитывались в полной мере. В результате получилась так называемая шоковая терапия, столь явно и болезненно узнаваемая сегодня в Греции. В самом деле, «Греции действительно стоит поучиться на примере Центральной Европы, так же как моряки учатся избегать кораблекрушений, направляя корабли прямо на скалы» [Hossy, 2015].

Некоторые исследователи [Ferge, 2001] считают, что богатые страны Восточно-Центральной Европы (ВЦЕ) развились при либеральном режиме, но в основе было заложено сочетание социальных гарантий и социальной помощи государства при частичной приватизации социальной политики. Другие описывают социальную политику скорее как «выработку чрезвычайных мер», подгонку существующих институтов под политические и экономические ограничения по модели *ad hoc* или «лоскутного одеяла» со множеством поворотов и высокой нестабильностью... принятых в разных странах, отличающихся как друг от друга, так и от остальных стран – довольно последовательных идеологически богатых стран Западной Европы, будь

то «социально-демократические», «консервативные» или «неолиберальные» государства [Offe, 2010].

Период трансформации и предшествовавший ему контекст

В прошлом веке страны социалистического блока начали трансформацию с разных отправных точек. В их экономиках и тогда было мало общего, кроме существенных долговых обязательств. Размер и влияние частного сектора, как и экономическая активность, связи с Западом в научно-технической и социальной сфере отличались от страны к стране. Такие различия требовали трансформации с учетом специфичных потребностей каждой страны. Однако неолиберальный подход чаще отвергал всё, «что можно связать с социализмом». В качестве примера можно привести разрушение сельскохозяйственных кооперативов в Венгрии, повлекшее за собой отставание на два десятка лет в производстве и распределении сельскохозяйственной продукции. Разработанная стратегия была основана на убеждении, что единственный путь к спасению региона – трансплантация западных ценностей. При этом было проигнорировано культурное и социальное наследие каждой из стран ВЦЕ, отличающее их от других развитых стран мира.

Начнем с того, что в отличие от большинства развивающихся стран это были уже индустриальные экономики, – тем не менее степень их индустриализации существенно различалась. В результате трансформация была направлена не на формирование промышленной экономики, а на реконструкцию производств наиболее дешевыми и менее болезненными способами.

Качество среднего и высшего образования в регионе всегда оставалось высоким и соответствовало западным стандартам. Единственной сферой, нуждавшейся в пересмотре, были общественные науки, в том числе экономические. Тем не менее найти применение человеческому капиталу в регионе и заново выйти на мировой рынок стало для него настоящим вызовом. По прошествии 30-ти лет становится ясно, как на мировом рынке обеспечивается занятость квалифицированной рабочей силы. Те, кто может покинуть свой регион ради более высокооплачиваемой должности и услуг, делают это. В результате существенно возрастает утечка мозгов из региона. Например, из Венгрии, где население 10 миллионов, только за последние 10 лет эмигрировали в страны Северной и Западной Европы в поисках более прибыльной работы и качественных услуг 12 тыс. человек, занятых в здравоохранении. В середине 2015 г. страну покинула еще тысяча медицинских работников (415 врачей, 114 стоматологов, 33 фармацевта, 259 медсестер, 8 акушеров и 83 специалиста из других областей отрасли) [Jambor, 2015].

Во всех странах Восточно-Центральной Европы установилась экстенсивная система социального обеспечения. Отчасти это стало наследием социалистической идеологии, отчасти результатом конкуренции между развитыми капиталистическими и социалистическими экономиками. Рост цен так или иначе способствовал реформированию этих «незрелых» систем социального обеспечения, но проведение реформ стало особенно болезненным и рискованным в ходе решающего этапа эко-

номического транзита. К тому же даже сегодня без сильного, вызывающего доверие к лидерам и институтам государства, гарантии социального обеспечения оказываются под угрозой.

Бранко Миланович развивает этот аргумент относительно экспансии развитых стран в Западной Европе после Второй мировой войны: «Существование социалистической идеологии... и ее воплощение в Советском Союзе и других коммунистических странах заставило «капиталистов» проявлять осторожность: они знали, что, если они попробуют слишком сильно надавить на рабочих, те примут ответные меры и в итоге капиталисты могут потерять всё». Следовательно, согласно этой точке зрения, реальный социализм «дисциплинировал» неравенство доходов при капитализме, поскольку Запад опасался чрезмерного имущественного расслоения, способного привести к подъему коммунистических и некоторых социалистических партий в капиталистических странах (особенно в Италии и во Франции). После падения коммунизма и триумфального подъема конкретной разновидности капитализма (иногда называемым «диким капитализмом») в новых демократиях исчезла идеологическая конкуренция. Вследствие этого во многих частях Европы было подорвано и разрушено государственное регулирование социального обеспечения.

Многие исследователи, занимающиеся анализом сложных и взаимосвязанных социальных, политических и экономических изменений в трансформации стран Восточно-Центральной Европы, упускают из виду один важный момент. Объясняя процесс трансформации просто как смену экономической модели, они игнорируют факт наличия существенных различий между функционирующими рыночными моделями, которые возникли в результате различных процессов развития. Для понимания экономической трансформации стран ВЦЕ также важно учитывать географический аспект. В результате перемен они снова стали частью Европы, относительно богатым и – с недавнего времени – стабильным регионом. Исключая США и Мексику, это первый случай в современной истории, когда соседние страны оказались разделены и «разрывом в развитии». И тем не менее страны Восточно-Центральной Европы не только остались беднее ЕС-15, но и пока не смогли предложить аналогичного уровня жизни своим гражданам [Merkel and Giebler, 2009]. Поэтому исследования трансформации в регионе не должны упускать из виду то, что со времен финансового кризиса 2008 г. отрыв этих стран продолжил увеличиваться.

В 1989 г. в регионе не просто была введена рыночная модель – стало возможным проведение постоянно откладываемой экономической модернизации. Переход от плановой экономики к рыночной рассматривался не как конечная цель, а скорее как инструмент успешной модернизации. По мере экономической трансформации стало очевидно, что любая видимая трансформация подразумевает наличие трёх элементов: 1) правил и институтов, присущих рыночной экономике, 2) стратегии инфраструктурной модернизации и 3) элементов социалистического наследия – преимущественно социального обеспечения и образования.

Подъем некоммерческого сектора

Сильная система социального обеспечения и образования также подразумевает наличие развитого гражданского общества, защищающего ее интересы: хорошо организованного некоммерческого сектора – связующего звена между государством и его гражданами в рамках новой демократии. В ранние годы (1989 - 1990) некоммерческие организации стремительно формировались в большинстве стран Восточно-Центральной Европы. Например, в Венгрии число некоммерческих организаций за первые шесть лет реформ возросло с 3 тыс. до более чем 40 тыс., благодаря, по крайней мере, трем факторам: 1) граждане получили возможность создавать группы по интересам; 2) они самоорганизовывались для самозащиты в тех сферах, где раньше доминировало государство; 3) поскольку создавались фонды, некоммерческие организации оказались для многих прибыльным делом. Создавались доступные рабочие места, по крайней мере на начальном этапе трансформации, а международное давление обеспечивало подходящим партнерам надлежащую защиту в развивающихся отношениях соседства с Европой.

Безусловно, существенное число этих инициатив окрестили либо квазигосударственными, либо неправительственными организациями, созданными правительственными институтами или мафиозными группировками для того, чтобы переправлять денежные средства частным группам. Тем не менее рост профессионализма в гражданской сфере был очевиден. В то же время возросла конкуренция между группами из-за быстро ослабевающей заинтересованности в регионе. Это привело к дефициту финансовых ресурсов по отношению к растущему спросу.

До 1994 г., когда заинтересованность в регионе была на высоком уровне, организациям некоммерческого сектора было, как это не курьезно звучит, гораздо проще искать финансового признания и помощи из-за рубежа, нежели на национальном и региональном уровне. Отчасти это произошло потому, что новые государственные структуры в странах ВЦЕ рассматривали гражданское общество как препятствие для быстрой экономической трансформации, которая была в приоритете над всем остальным, в том числе над социальной сплоченностью. Транзит, по мнению политических акторов, представлял собой консолидацию политических институтов: парламентов, конституций, партий и выборов. Эти страны управлялись, и до сих пор управляются элитами, для которых «консолидация демократии» означала «консолидацию власти» в рамках новой демократии. Ни одна из этих стран, за исключением Чешской Республики, прежде не была демократией. Основополагающие феодальные структуры легко адаптировались к коммунистической иерархии, а «тоталитарное сознание» заиклилось на том, что функционирование групп интересов вне политических институтов подрывает уполномоченную власть.

Страх свободы и его социальные последствия

После десятилетий социального расслоения свобода лишь усилила недоверие между индивидами и группами. Действительно, многие восприняли перемены, стартовавшие в 1989 г., как утрату свободы, хотя на самом деле речь шла о потере

«свободы безответственности». Совершенно неожиданно, без предупреждения и подготовки, новые демократические и капиталистические условия потребовали от граждан нести ответственность за себя и свое окружение. Неoliberalизм заменил всякий коллективизм, принес в жертву крайнему индивидуализму солидарность и сплоченность общества. Чувство утраты, незащищенности, неустойчивости вскоре переросло в крушение иллюзий и ностальгию, которые никуда не делись и сегодня.

Как отмечает Клаус Оффе, «исчезновение социалистической институциональной системы государства высвободило ожидания и идеи социальной справедливости, прежде всего надежды на то, что правительство обязано взять ответственность за поддержание высокого уровня занятости», как оно делало раньше. Это могло перерасти в ожидания, что великодушное покровительство государства должно продолжаться и в рамках новой рыночной системы, чтобы обеспечить социальные блага (в том числе пропитание, жилье, образование и здравоохранение) и защиту. Развитию таких ожиданий серьезно препятствовали международные финансовые институты вроде Всемирного банка или МВФ, требовавшие строгих корректировок пенсионной и здравоохранительной системы. Западная Европа предприняла попытку адаптировать модели систем социального обеспечения в странах ВЦЕ через посредство международных организаций (Всемирный банк, МОТ, Совет Европы, ОЭСР) для их собственных систем [Offe, 2010].

Неудовлетворенность заботой государства о социальной сфере привела к недовольству тем, «как работает демократия» в посткоммунистических странах [Offe, 2010]. Не вызывающие доверия обезличенные институты и межличностные отношения порой заменялись сильными харизматичными лидерами, которые во множестве появились в регионе, а неопределенность, как известно, укрепляет дефицит доверия элит и граждан друг к другу, что приводит к частым кризисам легитимности. В эмоционально истощенных обществах, где существует тенденция к недоверию среди индивидов, могут иметь место два основных дестабилизирующих эффекта: с одной стороны, подавление эмоций приводит к непредсказуемым срывам, которые провоцируют ненависть, народное негодование и фундаментализм; с другой – эмоциональное истощение и экзистенциальная неопределенность могут увеличить чувство разочарования, безысходности и агрессии, что приводит к повсеместному безразличию и политической апатии. Наследие коммунизма, подкрепленное трудностями транзита, было особенно опасно для демократов-реформаторов, которым нужна была поддержка населения для осуществления трансформации. Страны бывшей Югославии – образец того, как страх может уничтожить оптимистичные перспективы будущего развития и интеграции в регионе. Это особенно печально, если вспомнить, что Югославия была первой страной, которой предложили вступить в ЕС еще в 1967 г.

Изначальная эйфория и восторг в 1989 г. сменились тяжелым послевкусием. Иллюзии людей относительно политических партий в «новых демократиях», нарушенных обещаний и институционального натиска со стороны Запада были разрушены.

**Подходила ли европейская социально-экономическая модель странам
Восточно-Центральной Европы?**

Один из важных вопросов, который предстоит задать: подходила ли европейская социально-экономическая модель странам Центральной и Восточной Европы? Жак Делор в свое время предположил, что некоторые эксцессы глобализации возможно преодолеть при посредстве политики социальной защиты населения. Это явилось результатом конкретной идеологии конкретного исторического периода до расширения. Как признается в интервью профессор Чарльз Вулфсон, «откровенно говоря, элиты новых стран-членов были обязаны соответствовать Своду норм и требований ЕС и, как следствие, были вынуждены «взять с собой на борт», хотели они этого или нет, определенные компоненты этой «иностранной» идеологии [Triomphe and Flamant, 2013]. «Я не верю, что социальная модель такого типа, прежде всего западноевропейский продукт конкретного времени и региона, в принципе могла подойти Восточной Европе. Можно, конечно, поставить под сомнение тот факт, что европейские элиты вообще верили в это. Более того, в контексте последствий кризиса социальной защите мог быть положен конец», – продолжает профессор. Он делает вывод, что социальная сфера Европы, возможно, была вторичной по значению для региона.

Рассмотрим для примера ситуацию в Венгрии.

Подъем ряда рисков для индивида и для общества в целом оказывал постоянное давление на европейские страны, вынуждая их адаптироваться. Эти риски явились результатом изменений внутренних и внешних условий, включающих технологические сдвиги, внешнюю конкуренцию, старение населения, миграцию и разрушение традиционных семей [Aiginger and Leoni, 2009].

Период после кризиса 2008 г. связан с пессимистичными прогнозами для систем социальной защиты по всей Европе. В самом деле, можно даже сказать, что меры жесткой экономии могли положить конец всеобщему стремлению создать «социальную Европу» [Pochet and Degryse, 2012; Taylor-Gooby, 2012]. Другие исследователи заявляют, что Европа «теряет свою душу» [Vaughan-Whitehead, 2003] по мере того, как финансовый кризис, жесткая экономия, а сейчас еще и миграционный кризис перегружают систему социального обеспечения по всему региону, в особенности в странах ВЦЕ, оказавшихся на передовой текущего кризиса.

После присоединения многие посткоммунистические страны столкнулись с усиливающимся экономическим спадом, возрастающей социальной нестабильностью [Rupnik and Zielonka, 2013]. Посткоммунистические страны ВЦЕ особенно пострадали от финансового кризиса из-за их маленьких, зависимых и подверженных внешнему влиянию экономик. У этих стран не было пространства для маневра с точки зрения реформирования социальной политики из-за барьеров, возведенных Европейским центральным банком и МВФ.

Ситуация, особенно в Венгрии, усугубилась на фоне миграционных проблем, отвлекших внимание правительства от острого кризиса в сфере общественного

здравоохранения. Хотя страны региона в определенной степени схожи, в Венгрии, благодаря влиянию в парламенте правящей коалиции ФИДЕС (FIDESZ), очень быстро были осуществлены изменения во многих отраслях социальной политики, выделяющие ее на фоне других стран. Отчасти это стало результатом ослабления оппозиционных сил в ходе предыдущего цикла правления социалистов, утративших доверие населения¹. И хотя особого недовольства населения замечено не было, очевидно, что в обществе нарастает экономическая поляризация. Она также проходит по межэтнической линии (прежде всего Roma-non-Roma). А как известно, «там, где правит социальное неравенство и несправедливость, неизбежна нестабильность» [Marshall, 2014].

Критические сдвиги, например сокращение потребительских расходов в Венгрии, можно сравнить разве что с аналогичными сдвигами в Греции. Показатели двух стран различаются лишь на 13–14%, согласно отчету ОЭСР 2012 г. В 2013 г. началась решительная централизация для обеспечения социальной защиты, особенно в области образования и здравоохранения. В некоторых случаях утверждается, что изменения в конституции, принятые правительством, гарантировали «отсутствие конституционного контроля над деятельностью правительства... включая законодательное регулирование социальной политики» [Sólyom, 2013]. Одним из самых непопулярных решений правительства (ст. 22) стало наделение местных властей правом криминализации бездомных «для защиты общественного порядка, безопасности, здоровья и культурных ценностей» [Основной закон, 2011]. Это спровоцировало активизацию общественной инициативы по поддержке и солидарности с бездомными.

В пенсионной системе по всей Европе назрели проблемы реформирования и финансирования пенсий, вытекающие из экономического и финансового кризиса, но скорее ставшие следствием экономической слабости стран ВЦЕ. В большинстве случаев пожертвования в частные фонды перенаправлялись в государственный бюджет; в случае с Венгрией частные пенсионные активы были национализированы [Szikra, 2014; Simonovits, 2011]. В ответ на обращение венгерского правительства в Еврокомиссию с просьбой сократить переходные издержки на приватизированную пенсионную систему до величины изначального дефицита (3% от ВВП) Комиссия настояла на поддержании изначального верхнего предела «по нескольким причинам, в том числе из-за постоянного перерасхода Венгрией средств, а также из опасения, что долговой кризис в Греции может переброситься и на страны ВЦЕ» [Simonovits, 2011: 89; Szikra, 2014: 6]. Многие пожертвования в частные пенсионные фонды были направлены строго на сокращение дефицита национального бюджета. На самом деле, по оценкам Евростата в 2013 г., бюджетный дефицит сократился до рекордно низкого показателя – 1,9 % в 2012 г., но некоторые последствия этого были минимизированы в результате, например, девальвации венгерского форинта. «Идея сократить госдолг через национализацию ранее приватизирован-

¹ Достаточно вспомнить, например, о насильственных действиях, допущенных в отношении мирных манифестантов в 2006 г. во время памятного мероприятия событий 1956 г.

ных пенсионных фондов» [Szikra, 2014 : 6–7] быстро сыскала популярность во всей ВЦЕ. Польша недавно объявила, что тоже будет придерживаться этой модели. Это лишь один пример ответной реакции «государства общего благосостояния», чьи действия напоминают «неотложку» [Inglot, 2008] в странах, чьи экономики оказались под гнетом глобальных экономических процессов.

Что касается программ и пособий по безработице, правительство ввело понятие «общества трудового обеспечения», прописанного в Основном законе (ст. 19) следующим образом: «Каждый человек обязан вносить вклад в развитие общества используя свои лучшие способности и потенциал». С момента принятия этого закона граждане наделены социальными правами лишь в том случае, если они выполняют свои рабочие обязанности. Страховка по безработице была сокращена по размеру выплат (с 20 до 15% от средней зарплаты) и по их длительности (от 9 до 3 месяцев) [Szikra, 2014:7]. Пособия связали с признанием безработным возможности найти работу независимо от уровня образования и профессиональных навыков. По этим причинам число безработных, не получающих помощь в виде пособий, возросло с 40 до 52% в период между 2010 и 2013 гг., и большое число безработных просто решили не регистрировать [Cseres-Gergely, et al., 2013: 34]. Особенно это повлияло на цыганское население, подверженное дискриминации при приеме на работу, ставящую под угрозу их шансы на участие в программах социальной помощи во многих местных сообществах.

В одном недавнем исследовании было подсчитано, что 4 из 10 млн населения Венгрии сейчас живут ниже прожиточного минимума [Ferge, 2013]. Это оказывает непропорциональное воздействие на цыган, составляющих 5–10% населения, или треть населения принадлежащей к бедным слоям (раньше эта цифра достигала лишь 20%). Другое исследование показало, что относительный уровень бедности (60% от среднего дохода) вырос с 13,6 до 17% за период с 2009 по 2012 г. [Szivos and Tóth, 2013: 42]. Сикра предупреждает, что сдвиги в политике социального обеспечения, отражающиеся на снижении уровня жизни людей, могут закончиться политическими протестами [Szikra, 2014: 2]. Таким образом, стабильность демократического режима зависит от качественного государственного социального обеспечения [Offe, 2010].

В ответ на финансовый и долговой кризис, а также при отсутствии конкретных усилий или стремления Брюсселя смягчить ситуацию Венгрия избрала неортодоксальный и во многом противоречивый способ сбалансировать национальный бюджет. Он включал обложение налогами банков, телекоммуникационных и энергетических компаний, предприятий розничной торговли, с сокращением ежемесячных коммунальных платежей для потребителей. Последняя мера, безусловно, оказалась невероятно популярной. Прямое интернет-подключение касс к налоговому управлению обеспечило рост доходов от НДС, потому что в стране, где теневая экономика все еще представляет собой значительный сектор (в 2011 г. его величина была оценена в 22 млн евро, или 24% от ВВП), необходимо постоянное отслеживание. К тому же ключевым моментом данной политики стало разрешение конвертировать

12 млрд долл. ипотечных кредитов в иностранной валюте, преимущественно в швейцарских франках, в форинты в ноябре 2014 г. Некоторые из этих инициатив вызвали положительную реакцию в других странах и были реализованы или сейчас осуществляются в ВЦЕ. В результате в рост пошел ВВП Венгрии, что было положительно отмечено МВФ: показатели потребления и инвестиции возросли, а инфляция снизилась. Больше рабочих мест стало доступно в частном секторе, в сфере услуг; в ориентированных на экспорт отраслях активное сальдо по текущим операциям составило более 4%, снизилась зависимость от банковских кредитов [Emerging Markets, 2015].

Однако позитивный образ Венгрии и стран ВЦЕ в зарубежных СМИ был омрачен миграционным кризисом. Страны Центральной Европы описывались преимущественно в негативном свете, их граждан называли ксенофобами, расистами, бесчеловечными, неблагодарными, разобщенными. Центральноевропейцев критиковали за отказ от квот, за демонстрацию отсутствия солидарности, а также готовности взять на себя справедливую долю ответственности за решение «европейской» проблемы.

Хотя я не защищаю и не поддерживаю риторику венгерского правительства на фоне данного кризиса, премьер-министр В. Орбан действительно озвучил чувства и опасения многих людей, и не только в Венгрии или в Восточно-Центральной Европе, но также присутствующие в «стержневой» Европе. Есть много других мировых лидеров, с чьими высказываниями и действиями многие из нас не согласны. В отличие от больших держав, Венгрия в глобальном смысле – «рычащая мышь», однако слова и действия правительства вне всяких сомнений определённо держат страну в фокусе международного внимания и на первых страницах СМИ.

Недолжным образом понимается хрупкость демократии, появившейся из «котла» коммунистической тоталитарной тирании, десятилетиями диктовавшей, что людям и странам можно и что нельзя делать. Вырвавшись из одной диктатуры, они очень чувствительно воспринимают любой другой диктат, сопутствующий централизации решений. Жители Восточно-Центральной Европы очень хорошо понимают, что их вступление в ЕС было осуществлено «за малую цену» поскольку было выгодно Западной Европе – особенно Германии – перспективными рынками, новой буферной зоной для ядра Европы, и дешёвой рабочей силой. Принятие такой высокоморальной позиции особенно бестактно и опасно в отношении населения региона, десятилетиями страдавшего от коммунизма. Нынешнее отношение Запада к странам ВЦЕ может привести к дальнейшей коррозии того, что осталось хорошего от восприятия ЕС в Венгрии и в регионе. Венгрия никогда не забывала о реакции Запада, как и о ее отсутствии, на неудачу революции 1956 г. и особенно чувствительно воспринимает эту снисходительность Запада.

За исключением вступления в ЕС Восточной Германии, требования дальнейшего вступления стран ВЦЕ в ЕС никогда не мотивировались солидарностью с «далё-

кими странами, населенными людьми, о которых мы ничего не знаем»¹. Предварительные соглашения о членстве в ЕС привели к необходимости внедрения ряда реформ, представлявших собой скорее банальное урезание программ социального обеспечения, потребовавших от граждан больших жертв ради умиротворения сторонников рынка. Немногие даже среди западноевропейских стран могли бы выдерживать такие изменения столь же мирно, как пережили их «восточные европейцы». Сегодня Центральная Европа очень остро чувствует, что регион вновь очутился на периферии, непонятый и отвергнутый, обремененный и брошенный двуличным Западом. Многие думают, что это не что иное, как попытка удовлетворить пресловутую потребность в «козлах отпущения» на фоне кризиса, который продолжается и либо управляется неправильно, либо не управляется вовсе, в стремлении уклониться от осознания реальных травмирующих последствий притока беженцев. Как пример можно привести недавнее голосование по вопросу исключения Венгрии из ЕС. Напротив, можно наблюдать растущую солидарность и консенсус среди стран Вишеграда: их удивительное и пока что беспрецедентное неподчинение и дерзость по отношению к ЕС.

Несмотря на успех применения Венгрией ряда нестандартных стратегий управления финансовым и долговым кризисом, миграционный вызов не удастся предотвратить на национальном уровне. Ситуация не устойчива еще и потому, что более бедные страны Европы не имеют ресурсов (финансовых и других), чтобы поддерживать мигрантов независимо от того, хотят ли они остаться в регионе. Это не имеет ничего общего с приписываемой региону «слабостью» гуманитарной эмпатии, сострадания и уровня нравственности. Вопрос, могут ли ЕС и европейские политики, которые уже оказались не способны справиться с менее сложными проблемами, чем нынешний миграционный кризис, и над которыми у них было больше власти и контроля, найти такой выход, который принял бы во внимание чувства и опыт людей из ВЦЕ, остается открытым. По крайней мере один факт становится все более очевидным: существует явное расхождение в опыте Западной и Восточной Европы, о чем было упомянуто вначале. Постоянный кризис на десятилетия стал характеристикой Восточно-Центральной Европы. Для нас это уже не новое явление, и мы осознаём, что для нашего региона это становится нормальным положением дел. В результате мы вырабатываем различные механизмы преодоления продолжительного состояния неопределенности, включающие в значительной степени материальные ресурсы и каналы взаимозависимости и взаимодействия, созданные и развивавшиеся еще при коммунистических режимах. У стран Восточно-Центральной Европы и Венгрии в частности, нет недостатка сострадания. Сегодня, как и в 1989 г., вновь актуальны слова о регионе Вацлава Гавела: «...в самом центре сгустка нервов нашего континента, где сталкиваются взаимодействуя разнообразные духовные потоки и традиции, возникает облик новой Европы. Образ Европы, ставший

¹ Адаптированная цитата Невилла Чемберлена из работы «Политика умиротворения» 1939 г.: «Спор в далёкой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем.»

ярким примером способности к взаимодействию, солидарности, федерализму и интеграции».

Может ли Европа, особенно Восточно-Центральная, пережить еще более внезапные сдвиги?

Недавние события, связанные с волнениями и протестами в ВЦЕ, да и в целом в Европе, указывают на системный кризис. Недавние демонстрации в Будапеште в декабре 2018 г. отображали обширную и нацеленную на конкретные действия коалицию общественных и политических сил, которая много лет не появлялась на политической сцене. Студенты, профсоюзы, оппозиция и лидеры альтернативных партий опротестовали новые решения, принятые правительством при поддержке парламентского большинства. Проблемы, поднятые протестующими, относятся к трудовому законодательству, к свободе образования и прессы, к проблеме коррупции. Но за протестной средой, и не только в Венгрии, стоит возрастающая неудовлетворенность, недоверие к государственным институтам, которые не только не представляют волю народа, но и показывают, что популярные настроения, высказываемые народом, больше не слышны в демократическом процессе и не воспринимаются всерьез как на национальном, так и на международном уровне.

Рост имущественного и социального расслоения провоцирует инакомыслие и социальные волнения во всех частях континента. Мы стали свидетелями голосования по брекзиту, протестов желтых жилетов во Франции и почти во всех крупных городах Восточно-Центральной Европы. Общим знаменателем для всех этих протестов стало недовольство и агрессия граждан из-за невключенности в решающий политический процесс и принятие политических решений. Как сформулировал Марлиер, «консерваторы, либералы и социалисты всегда... утверждали, что людей надо держать как можно дальше от процесса принятия политических решений» [Marlière, 2018].

Еще не так давно, население региона действительно восставало, чтобы потребовать назад свое право голоса в политическом процессе. Опыт диктатуры и авторитаризма и его социальных, политических и экономических издержек уже в генах у местного населения. В некотором смысле Восточно-Центральная Европа может быть лучше приспособлена к тому, чтобы протестовать, ведь выживание в условиях кризиса на протяжении десятилетий было здесь частью повседневной жизни. Протесты по всему региону распространяются и на Балканы (в частности, на Македонию). В Словакии ярость граждан вылилась в протест на фоне убийства журналиста-исследователя Яна Куциака; в Праге – на фоне политических скандалов и обвинений в мошенничестве в адрес премьер-министра Чехии; в Польше – против режима Качиньского; в Румынии – против коррупции. По сообщению репортера *The Guardian*, «у каждой страны своя собственная история... но эти события... это часть более обширной тенденции по всему региону: новое поколение центрально-европейцев мобилизуется ради спасения демократических ценностей, которые, по их ощущениям, находятся под угрозой» [Nougayrède, 2018].

Репортер, посетивший 17 ноября 2018 г. в Братиславе Десятый центральноевропейский форум «Требуем невозможного!», отмечает: либералы Западной Европы и прогрессивные деятели могли бы вынести один-два урока из мобилизации на Востоке. Жители Центральной Европы понимают, за что они борются, и понимают цену поражения. Поэтому они адаптируют свои методы к ситуации. Я не хочу сказать, что популизму в Центральной Европе пришел конец. Я говорю, что дух диссидентства здесь все еще жив, и «западникам» следует больше обращать на это внимание. Не исключено, что спасение Европы может прийти и с Востока» [Nougayrède N., 2018].

Сегодня Европа представляет собой некий перекресток, где встретились два опыта: опыт Востока и опыт Запада. И возможно, именно сегодня настал черед прислушаться к идеям, исходящим именно от стран, переживших за столетие гораздо больше кризисных ситуаций.

Список литературы

Cseres-Gergely, Z., Kátay, G. and Szörfi, B. (2013). The Hungarian Labour Market Change in 2011-2012, in K. Fazekas, P. Benczúr and Á. Telegdy, eds. *The Hungarian Labour Market 2012*. Budapest: Institute of Economics, Hungarian Academy of Sciences, pp. 1840.

Ferge, Z. (2001). Welfare and 'Ill-Fare' Systems in Central Eastern Europe, in Sykes, Robert, Palier, Bruno, Prior, Pauline M., Campling, Jo, eds. *Globalization and European Welfare States: Challenges and Changes*. New York: Palgrave, pp. 127-153.

Inglot, T. (2008). *Welfare States in East and Central Europe, 1919-2004*. Cambridge: Cambridge University Press.

Jámbor, A. (2005). Miközben a kormány a menekültekkel foglalkozik, darabjaira esik szét az egészségügy [While the government pays attention to the migration crisis, the healthcare system falls apart].

Jensen, J. (2014). Hungary at the Vanguard of Europe's Rearguard? Emerging Subterranean Politics and Civil Dissent," in Kaldor, Mary Kaldor and Selchow, Sabine, eds. *Subterranean Politics in Europe*, London: Palgrave Macmillan, 2015, pp. 141-167.

OECD (2012). *Economic Survey: Hungary 2012*. Paris: OECD.

Pochet, P. and Degryse, C. (2012). The Programmed Dismantling of the 'European Social Model'. *Intereconomics* 4: 212-217.

Rupnik, J. and Zielonka, J. (2013). Introduction. The State of Democracy 20 Years on: Domestic and External Factors. *East European Politics and Societies* 27 (1): 3-25.

Simonovits, A. (2011). The Mandatory Private Pension Pillar in Hungary: An Obituary. *International Social Security Review* 64 (3): 81-98.

Szikra, D. (2014). Democracy and welfare in hard times: The social policy of the Orbán Government in Hungary between 2010 and 2014. *Journal of European Social Policy*.

Szikra, D. and Tomka, B. (2009). Social Policy in East Central Europe: Major Trends in the Twentieth Century, in A. Cerami and P. Vanhuysse, eds. *Post-Communist Welfare Pathways: Theorizing Social Policy Transformations in Central and Eastern Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 17-34.

Szívós, P. and Tóth, I.G., eds. (2013). "Inequalities and Polarization in the Hungarian Society." *Tárki Monitor Jelentések 2012*. Budapest: TÁRKI. In Hungarian.

Tache, I., Neesham, C. (2011). The Performance of Welfare Systems in Post-Communist Europe: The Cases of Romania and Bulgaria. *Journal of Economic Research* 5, pp. 90-107.

Taylor-Gooby, P. (2012). Beveridge Overboard? How the UK Government is Using the Crisis to Permanently Restructure the Welfare State. *Intereconomics* 4: 224-229.

References

- Triomphe, C., Flamant, A. (2013). "Eastern Europe: Was the social Model ever valid." *METIS* (30 November). URL: http://www.metiseurope.eu/eastern-europewas-the-european-social-model-ever-valid-for-these-countries_fr_70_art_29793.html.
- Marshall, A. (2014). World of Resistance Report 2014. *Dissident Voice* (11 July). URL: <http://dissidentvoice.org/2014/07/world-of-resistance-report/>.
- Vaughan-White, D. (2003). "Is Europe Losing Its Soul? The European Social Model in Times of Crisis." URL: http://www.oit.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/--ilo-brussels/documents/publication/wcms_236717.pdf.
- Real World Economics Review Blog (2015). Increasing poverty in the European Union (3 graphs). URL: <https://rwer.wordpress.com/2015/03/03/increasing-poverty-in-the-european-union-3-graphs/>.
- Marlière, Philippe (2018). "The yellow vests, or the discrediting of representative democracy." *Open Democracy* (17 December).
- Nougayrède, Natalie (2018). "A New Wave of Dissidents in the east can turn back Europe's populist tide." *The Guardian* (22 November).
- Offe, Cl. (28 January 2010). Lessons Learned and Open Questions. Welfare state building in post-communist EU member states. *Eurozine*. URL: <http://www.eurozine.com/articles/2010-01-28-offe-en.html>.
- Sólyom, L. (31 May 2013). Ein Symbolische Schlag gegen die Neue Demokratie. *Die Presse*. <http://diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1412870/Einhttp://diepresse.com/home/meinung/gastkommentar/1412870/Ein-symbolischer-Schlag-gegen-die-neue-Demokratiesymbolischer-Schlag-gegen-die-neue-Demokratie>.
- Milanovic, B. (22 August 2015). Did Socialism kill Capitalism Equal? *Economist's View*. URL: <http://economistsview.typepad.com/economistsview/2015/08/did-socialism-keep-capitalism-equal.html>
- Hossó, Andrea (2015 October 10). The West must stop bullying Hungary and Central Europe. URL: <http://www.capx.co/the-west-must-stop-bullying-hungary-and-central-europe/europe/>

The socio-economic models of Central European countries: reset

Author. *Jody Jensen*, Senior research fellow at the Institute of Political Sciences at the Hungarian Academy of Sciences, Assistant Professor at the University of Pannonia at its campus in Kőszeg. She is Director of International relations at the Institute of Social and European Studies (a Jean Monnet Centre of Excellence). **Address:** H-9730, Hungary, Kőszeg, Chernel st. 14. **E-mail:** info@iask.hu

Abstract. Although Europeans may have a common history, it cannot be said that we have a shared history. There are important differences in the way history was and is experienced, in social development, and also in terms of legacies. Many analyses of the complex and inter-related social, political and economic changes of the transformation in East and Central Europe have overlooked important criteria. They explain the process of transformation simplistically as a switch of economic models and ignore the fact that there are substantial differences between functioning market economies that are the result of different development processes. The opportunity that 1989 offered was not simply the introduction of functioning market economies, but to implement the much-postponed process of economic modernization in the region. The transition from a planned economy to a market economy should not have been viewed as the goal, but rather as the instrument for successful modernization.

Key words: migration crisis, social welfare models, transformation, institutionalization.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720181933>